

внутрішніх справ, зазначимо, що виконання функцій з розгляду і вирішення юридичних справ потребує високого професійного рівня виконавців, вміння обрати оптимальний варіант досягнення правового результату. Слід мати на увазі, що певні юридичні операції повинні бути відпрацьовані фахівцем як професійні навички. Адже сутність чинного процесуального законодавства полягає у тому, що вимоги щодо неухильного виконання висуваються у рівному ступені відносно матеріальних і процесуальних норм [12, ст.54]. Щонайменше порушення цих вимог тягне за собою визнання відповідних дій співробітників органів внутрішніх справ недійсними, протизаконними. Таким чином, зміст культурних вимог до правозастосування визначається, перш за все, не стільки тим, що воно виражає соціальну потребу у здійсненні певних операцій з правовими нормами, але й у тому, що ці операції повинні здійснюватися на високому професійному рівні, кваліфіковано й ефективно.

Інтегруючи зазначені загальні та специфічні ознаки правової культури співробітника органів внутрішніх справ у єдиному визначенні, ми можемо запропонувати наступний підхід до розуміння досліджуваної категорії: правова культура співробітників органів внутрішніх справ – це система суспільно-правових цінностей, що виражаються у завданнях органів внутрішніх справ та гарантуються свідомою законною та ефективною правозастосовчою діяльністю співробітників.

Список літератури: 1. Коментар до Конституції України / За ред. В.Ф. Опришко. К., 1996. 2. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. 3. Білий П. Правова держава і правова культура: взаємозв'язок і результативність / Право України. 1997. № 12. 4. Иванов В.И., Иванов О.Е., Кузнецов Э.В., Назаренко А.Ф., Сальников В.П. Правосознание и правовая культура сотрудников органов внутренних дел. Л., 1981. 5. Теория государства и права / Под ред. Г.Н. Манова. М., 1995. 6. Відомості Верховної Ради. 1991. № 4. 7. Бандурка О.М. Основи управління в органах внутрішніх справ України. Харків, Основа, 1999. 8. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1982. 9. Скаун О.Ф. Теория государства и права. Харків Консум, 2000. 10. Рабинович П.М., Шмельова Г.Г., Луць Л.А. Загальна теорія держави і права. К.: Інститут системних досліджень освіти України, 1993. 11. Додин Е.В. Доказывание и доказательства в правоприменительной деятельности органов советского государственного управления. Одесса, 1976. 12. Горшенев В.М. Теория юридического процесса. Харків, 1985.

Надійшла до редколегії 27.12.2003 р.

Д.Д. Лупеник

Ответчики по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации

Персонификация сторон по гражданскому делу имеет принципиальное значение и осуществляется применительно к предмету правового спора, которым выступают определенные материальные правоотношения.

Материальное правоотношение моделирует субъективный состав процесса. От нормы материального права, подлежащей применению в гражданском процессе, зависит решение вопроса о надлежащих сторонах и

конкретном процессуальном положении, которое должно в процессе занять то либо иное заинтересованное лицо.

С учетом сказанного представляет интерес вопрос о составе ответчиков по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Общей правовой нормой, определяющей правоотношение о защите чести, достоинства и деловой репутации, является ст.7 ГК Украины (далее – ГК). Согласно этой статье гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения сведений, не соответствующих действительности или неправдиво изложенных, которые порочат их честь, достоинство или деловую репутацию либо причиняют вред их интересам. Из этого вытекает, что основанием возникновения правоотношения по защите чести, достоинства или деловой репутации является совокупность условий: 1) распространение информации; 2) информация должна не соответствовать действительности или неправдиво изложенная; 3) информация, порочащая честь, достоинство или деловую репутацию.

В юридической литературе существуют и другие суждения относительно применения ст.7 ГК. Так, К.Б. Ярошенко считает, что правоотношения по защите чести, достоинства и деловой репутации могут возникнуть также и в случаях, когда лицо имело реальную возможность осуществить деяния, направленные на восстановление чести, достоинства или деловой репутации [1, с.29]. Препитие такого положения вряд ли возможно, поскольку это противоречит закону и может способствовать неправильному определению ответчика.

Изучение судебной практики свидетельствует, что суды иногда не разграничивают отношений, регулируемых нормами ГК о защите чести, достоинства или деловой репутации, и Законом Украины “Об информации”. Закон “Об информации” предусматривает, что сбор сведений о личности без ее предварительного согласия запрещается (ст.23).

Характерным примером в этом отношении является дело по иску Б. к газете “Іллічівець” о защите чести, достоинства и деловой репутации и взыскании морального (неимущественного) вреда, рассмотренного Ильичёвским городским судом Одесской области. Обратившись в суд с иском, Б. указал, что 2 ноября 1996 г. газета “Іллічівець” Ильичёвского морского порта под рубрикой “Кто есть кто” напечатала информацию отдела кадров порта относительно личной жизни истца. В статье были указаны адрес, дата и место рождения, национальность, которые, согласно ст.23 Закона Украины “Об информации”, являются основными данными о лице и охраняются законом. Публикация основных данных о лице без его на то согласия запрещена. В этой статье также было указано на изменение фамилии истца. Кроме того, ему были приписаны действия, которых он не совершал.

Ссылаясь на то, что информацию о личной жизни напечатали без его согласия, а также ему приписали действия, имеющие состав преступления, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию, истец просил суд удовлетворить его иск, а также взыскать моральный ущерб в сумме 15 тыс. гри-

вен. Представители порта и редакции газеты "Ілпівівець" в судебном заседании иск признали частично и пояснили, что личные данные распространены без согласия истца, моральный вред составляет примерно 200 грн. и согласились извиниться перед истцом.

Отказывая в удовлетворении иска, суд исходил из того, что факты изменения истцом фамилии, а также совершение преступления соответствуют действительности. Поэтому суд признал безосновательными аргументы истца о публикации данных о нём без его согласия, поскольку они правдивые и не причиняют морального вреда [2, с.70-71].

Такие выводы суда вызывают сомнения. Суду следовало выяснить правовое основание исковых требований, учитывать то, что отношения сторон относительно защиты чести, достоинства и деловой репутации при распространении сведений, не соответствующих действительности или изложенных неправдиво, регулируются ст.7 ГК. Отношения же сторон в случае распространения (достоверной) информации без согласия истца регулируются ст.23, 47, 49 Закона Украины "Об информации". Выяснив это, суд должен был разграничить требования о защите чести, достоинства и деловой репутации от требований о нарушении прав истца в сфере информационной деятельности, правильно определить участников спорных правоотношений и разрешить спор.

Ответчиками по делам о защите чести, достоинства или деловой репутации являются субъекты, которые обязаны отвечать за распространение сведений, не соответствующих действительности или неправдиво изложенных, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию либо причиняют вред гражданам или организациям.

В практике встречаются случаи, когда порочащую информацию распространяют несовершеннолетние, не достигших пятнадцати лет. В таких случаях исковые требования о защите чести, достоинства или деловой репутации предъявляются к их родителям, усыновителям или опекунам. Если же распространителем порочащей информации являются несовершеннолетние, в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет, то, на наш взгляд, ответчиками по делу должны быть они. Привлечение к участию в таких делах родителей, усыновителей или попечителей несовершеннолетних для оказания им помощи зависит от суда.

В юридической литературе спорным является вопрос о том, кто будет ответчиком в случаях распространения информации, являющейся основанием для защиты чести, достоинства или деловой репутации лицами, признанными судом недееспособными. Некоторые авторы считают, что в таких случаях у истца нет права требования [3, с.6]. Другие авторы полагают, что в тех случаях, когда порочащие сведения распространяются недееспособными лицами, ответчиками должны быть опекуны [4]. Следует согласиться с последней точкой зрения, поскольку такое суждение соответствует действующему законодательству и направлено на восстановление нарушенного права на честь, достоинство и деловую репутацию.

Некоторыми учёными поднимается вопрос об ответчике в тех случаях, когда информация, порочащая честь, достоинство или деловую репутацию распространяется самим лицом [5]. В таком случае, по мнению Р.О. Стефанчука, лицо, распространяющее измышления о себе, может предъявить иск о защите чести, достоинства или деловой репутации только в том случае, если имеет место распространение этих же сведений другим лицом, которое и будет ответчиком. Представляется, что во всех случаях, когда лицо само распространяет сведения, которые порочат его честь, достоинство или деловую репутацию, оно не вправе возбуждать такого рода дела с процессуальной точки зрения, поскольку одно и то же лицо не может занимать одновременно процессуальное положение истца и ответчика.

Ответчиками по делам о защите чести, достоинства или деловой репутации могут быть физические и юридические лица. В научной литературе и практике возник вопрос об ответчике по этой категории дел, если распространение порочащей информации осуществляется должностным лицом. Некоторые авторы, исходя из того, что при устном распространении этой информации должностным лицом ответственность возлагается на должностное лицо, а в случае её распространения в письменной форме – на юридическое лицо, которое это должностное лицо представляет [6, с.54]. С таким суждением трудно согласиться, поскольку при определении ответчика по этой категории дел учитывается не форма распространения данных сведений, а то, от чьего имени должностное лицо выступает. Независимо от формы распространения должностным лицом порочащих сведений юридическое лицо будет отвечать, если это должностное лицо выступает от имени юридического лица. Если же должностное лицо выступает от своего имени, то ответчиком должно быть должностное лицо [7, с.113].

Важное значение имеет проблема участия в процессе в качестве ответчика организаций, которые не являются юридическими лицами. Некоторые авторы утверждают, что обращение в суд с иском к организации, не являющейся юридическим лицом, невозможно [8, с.57]. Другие же учёные вопрос о влиянии процессуальной правоспособности организаций на способность быть ответчиком по делу связывают с признаками юридического лица. Однако практические выводы делают в зависимости от того, когда будет установлено отсутствие у организации этих признаков.

По мнению М.А. Видука, если в момент возбуждения дела судья видит, что привлекается в качестве ответчика организация, не являющаяся юридическим лицом, он отказывает в принятии заявления. Если же отсутствие у ответчика-организации процессуальной правоспособности установлено в стадии судебного разбирательства, необходимо применять правило замены ненадлежащей стороны [9, с.17,18].

По вопросу участия в гражданском процессе организаций, не являющихся юридическими лицами, следует согласиться с мнением М.С. Шака-

рян, полагающей, что возможность быть ответчиком по делу – это один из признаков юридического лица, а не характеристика его правоспособности, которая обуславливается нормами материального права [10, с.79]. Следовательно, предпосылками для участия в материальном правоотношении являются все признаки юридического лица, которые и определяют его гражданскую правоспособность. Для участия же организации в качестве ответчика достаточно её организационного единства и возможности выступать в процессе от своего имени.

Несколько позже М.С. Шакарян конкретизирует свой вывод, указывая, что решение вопроса о возможности участия в деле в качестве ответчика организации, не являющейся юридическим лицом, зависит от характера ответственности и от того, кто может быть субъектом этой ответственности [11, с.24, 25]. Так, например, по делам о защите чести, достоинства или деловой репутации к ответчику предъявляется иск неимущественного характера и требования истца предполагают совершение ответчиком отдельных действий, не связанных с передачей денег или имущества, а поэтому ответчиками могут быть организации без признаков юридического лица. Признак возможной имущественной ответственности ответчика должен быть критерием участия в деле организации. В этой связи Н.И. Авдеенко отмечала, что организация, обладающая признаками юридического лица, должна быть ответчиком по делу только по искам, направленным на защиту имущественных или связанных с ними личных неимущественных субъективных прав [12, с.17].

Таким образом, возможность участия в деле ответчика – организации определяется характером (содержанием) его ответственности. Следовательно, надлежащим ответчиком по делам о защите чести, достоинства или деловой репутации нужно считать организацию независимо от наличия у неё признаков юридического лица. Этот вопрос имеет особое значение, если ответчиком является печатный орган, не имеющий статуса юридического лица.

В тех случаях, когда ответчик – юридическое лицо прекратило своё существование путём реорганизации, права и обязанности, в том числе и по защите чести, достоинства или деловой репутации, переходят к юридическому лицу, являющемуся правопреемником реорганизационного юридического лица (ст.34 Закона Украины от 27 марта 1991 г. “О предприятиях в Украине”).

Некоторые особенности имеются и тогда, когда ответчиком является средство массовой информации, которое ликвидировано. Согласно ст.7 ГК сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию истца, должны быть опровергнуты в том же печатном издании. В этом случае правомерно было бы ставить перед ответчиком вопрос об опровержении таких сведений в другом издании, похожим за тематикой с тем, которое ликвидировано. Иногда в таких случаях ответчиками являются учредители ликвидированного средства массовой информации, если их ответствен-

ность за действия ликвидированного органа предусмотрена их уставом или законодательством. Такая ответственность учредителей является исключением из общего правила, согласно которому учредители и юридическое лицо не несут ответственности по взаимным обязательствам (ст.32 ГК). Суды в нарушение ст.32 ГК иногда привлекают к ответственности учредителей юридического лица. Так, например, Центрально-городской районный суд г. Горловки Донецкой области удовлетворил иск ЗАТ “Рекламно-информационное агенство “Комсомольская правда” к автору публикации Ц., редакции газеты “Спадщина” и ее учредителей – АТВТ “Хвиля” и фирмы “Східна Україна” – о защите чести, достоинства и возмещении морального вреда. Судебная коллегия обосновано отменила это решение и в определении указала, что согласно устава редакции газеты (п.6, 7) она не несет ответственности по обязательствам учредителей, а учредители – по обязательствам редакции [13, с.46].

В литературе высказано мнение о том, что защита чести, достоинства или деловой репутации в случае ликвидации средства массовой информации, распространившее неправдивую информацию, должна осуществляться путём признания информации не соответствующей действительности в порядке особого производства путём установления фактов, имеющих юридическое значение [14, с.114-115]. Эти суждения представляются необоснованными. С заявлением об установлении юридического факта действительно вправе обратиться любое заинтересованное лицо. Однако, как разъяснил Пленум Верховного Суда Украины в п.1 постановления “О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение” от 31 марта 1995 г. №5, суды могут принимать заявления об установлении фактов, имеющих юридическое значение, и рассматривать их в порядке особого производства при соблюдении определённых условий, если: а) согласно закону такие факты порождают юридические последствия (возникновение, изменение или прекращение личных либо имущественных прав граждан); б) действующим законодательством не предусмотрен иной (внесудебный) порядок их установления); в) заявитель не имеет другой возможности получить или восстановить надлежащие документы, удостоверяющие факт, имеющий юридическое значение; г) установление факта не связывается с последующим разрешением спора о праве [15, с.172-173].

В порядке особого производства, как видно, устанавливаются юридические факты и состояния, с которыми для обратившегося в суд лица связана реализация (в будущем) субъективных прав. Когда же лицо обращается в суд в порядке ст.7 ГК, то в таком случае речь идёт о нарушенном субъективном праве на честь, достоинство или деловую репутацию, о восстановлении которого лицо просит суд постановить решение. Иначе говоря, требование о защите чести, достоинства или деловой репутации имеет исковой характер и может быть рассмотрено только в исковом производстве.

Список литературы: 1. Ярошенко К.Б. Совершенствование гражданско-правовых форм защиты личных немущественных прав граждан по советскому законодательству: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. 2. Судова практика у справах за позовами до ЗМІ: Матеріалі науково-практичної конференції 13-14 травня 1999 р. К., 1999. Т.1. 3. Липецкер М. Гражданская ответственность за распространение несоответствующих действительности сведений, порочащих честь и достоинство граждан и организаций // Материалы научно-практической конференции: Защита прав личности по гражданским делам. М., 1966. 4. Белявский А.В., Придворов Н.А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. М., 1971. Стефанчук Р.О. Захист честі і гідності та ділової репутації в цивільному праві. К., 2001. 5. Прохання М.Г. Романович А.Н. Защита чести и достоинства граждан. Минск, 1976. 43; Белявский А.В., Придворов Н.А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. М., 1971. 6. Лесняк В.В. Защита чести, достоинства и деловой репутации в гражданском законодательстве России // Юрист. 1999. № 1. 7. Стефанчук Р.О. Захист честі, гідності та ділової репутації в цивільному праві. К., 2001. 8. Гурвич М.А. Право на иск. М., 1949. 9. Вилкут М.А. Стороны – основные лица искового производства. Саратов, 1968. 18. 10. Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального права. М., 1970. Шакарян М.С. Субъекты гражданского процессуального отношения: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972. 12. Авдеев Н.И. Механизм и пределы регулирующего воздействия гражданского процессуального права. Л., 1968. 13. Домбровский И.П. Розгляд судами справ за позовами до засобів масової інформації про захист честі, гідності й ділової репутації та компенсацію моральної шкоди // Вісник Верховного Суду України. 1998. № 2. 14. Стефанчук Р.О. Захист честі, гідності та ділової репутації в цивільному праві. К., 2001. 15. Постанови Пленуму Верховного Суду України в цивільних справах // Бюлетень законодавства і юридичної практики України. 1999. № 5.

Надійшла до редколегії 15.12.2002 р.

В.Ю. Шильник

Поняття, сутність та особливості адміністративного процесу в сучасних умовах

Одним із ключових понять адміністративного права є поняття “адміністративний процес”. Воно завжди привертало увагу науковців, а його розуміння віддзеркалювало домінуючі уявлення про сутність і призначення адміністративного права і державного управління. Варто звернутися до праць минулих років, аби пересвідчитися, які зрушення відбулися з тих часів у розумінні цього явища [1; 2; 3; 4 та ін.]. У історичному плані відомо три основні підходи до поняття адміністративного процесу. Перший з них, започаткований Г.І. Петровим та С.С. Студенікіним, ґрунтується на широкому визначенні адміністративного процесу як сукупності певних процесуальних правил, на підставі яких здійснюється виконавчо-розпорядча діяльність. Другий підхід, обґрунтований Ю.М. Козловим, В.Д. Сорокіним, О.Є. Луньовим, базується на тому, що адміністративний процес – це порядок правозастосовчої діяльності органів державного управління. А представники третього підходу Н.Г. Саліщева, О.І.Іванов та інші визначають адміністративний процес як порядок застосування заходів адміністративного примусу [5; 2].

Українська наукова думка поступово відмовляється від широкого розуміння адміністративного процесу як реалізації будь-якої матеріальної адміністративної правової норми. Правильніше щодо управлінського процесу, на думку О. Крупчана, говорити про порядок спільної реалізації при-